Вафтруднира", в котором Один спрашивает великана Вафтруднира, хранителя космогонических сведений, что он [Один] шепнул на ухо Бальдру на погребальном костре; великан не знает этой величайшей тайны, проигрывает состязание в мудрости и расплачивается своей жизнью (Vm. 54). Контекст недвусмысленно свидетельствует о магическом характере слов Одина. Для описания этого вербального акта вполне подошел бы предикат *bigalan* 'петь магическую песнь' из Второго Мерзебургского заклинания, а синонимом глагола 'говорить на ухо, шептать' в Vm. 54 служит д.-в.-н. *rûnen* 'шептать', также обозначающий в древнегерманских языках руны и тайну. Можно предположить, что Бальдр на погребальном костре отождествляется с жертвой, приносимой Одином в целях повторной космизации вселенной в преддверии "гибели богов"; речь Одина, по всей вероятности, должна была бы содержать ритуальные формулы синтеза элементов вселенной из частей тела жертвы, зафиксированные в древневерхненемецком заклинании.

Языковые данные подтверждают гипотезу о связи Бальдра с жертвой: теоним *Baldr* (< **Balðraz*) и обозначение жертвы – др.-исл. *blót* (< и.-е. **bhlād-*) возводятся к и.-е. **bhel-*, **bhlē-* 'надуватьс(ся), набухать, бить ключом, изобиловать' [3, с. 120], модификации которого эксплицируют идею изобилия в растительной сфере – и.-е. **bhlē-*, **bhlō-*, **bhlə-* 'лист, цветение; цвести, расти, распускаться' [3, с. 122].

Бальдр становится объектом жертвоприношения потому, что он воплощает представления о плодородии. В образе Бальдра значительную роль играет ванический пласт, ассоциирующийся прежде всего с его матерью Фригг, ср. ее родство с землей (имя ее отца *Fiǫrgynn* соотносится с поэтическим обозначением земли – *fiǫrgyn*), водой (ее жилище – *Fensalir* 'болотные палаты'), а также распутство и пророческий дар, подобие Фрейе, богине ванов, выражающееся в генетической связи теонимов (др.-исл. *Frigg*, *Freya* < и.-е. **per-* [6, с. 142]), их объединении в Od. 9 (*Svá hialpi þér ... Frigg oc Freyja* "да помогут тебе ... Фригг и Фрейя"), одинаковых обвинениях, бросаемых в их адрес Локи.

Многочисленны вегетативные коннотации Бальдра. Его возвращение в обновленный после эсхатологического кризиса мир ассоциируется с цветением растений: *Muno ósánir acrar vaxa, / bǫls mun allz batna, Baldr mun koma* "Вырастут незасеянные пашни, / зло улучшится, Бальдр вернется". Бальдр уподобляется белоснежному растению pyrethrum inodorum, называемому *Baldrsbŕa* 'ресница Бальдра'. Использование омелы в качестве орудия убийства Бальдра неслучайно, так как она символизирует "высшую плодотворную потенцию ⟨...⟩ фигурирует в сюжете ритуального убийства царя растительности ⟨...⟩ и отражает пережитки фаллических ритуалов" [4, с. 254]. Германские рефлексы и.-е. **bhel-* кодируют фаллические представления, ср. др.-исл. *bǫllr* 'testiculus', гесс. *bulle* 'vulva', обозначения быка-производителя – др.-исл. *boli*, *bolr*.

Трактовка Бальдра как жертвы, а его убийства, повлекшего за собой появление смерти, как первого жертвоприношения подтверждают некоторые факты, а частности связь Бальдра с сиянием. Жилище Бальдра называется 'Широкий блеск' (*Breiðablik*), его цвет – белый, "его лик так красив и так светел, что исходит от него сияние" (SnE 21: *hann er svá fagr álitom ok biartr, at lýsir af honom*), постоянно упоминается его погребальный костер – др.-исл. *bál* (< **bhel-* 1 'блестеть'), по-видимому, родственный теониму (*Baldr* < **bhel-* 3 'набухать'), поскольку "'блеск', 'сияние' и являются формой выражения святости в оптически-визуальной сфере" [7, с. 215].

Бальдр, персонифицирующий жертву, воплощает представления о добре, благе. Его образ явно идеализируется. Ср. прозвище Бальдра "добрый" (*Baldr inn góða* (SnE 48)), Grm. 12: *þar Baldr hefir / sér um gerva sali, / á því landi, er ec ligia veit / enn fæsta feicnstafi* "там себе Бальдр построил чертоги, / в том месте, я знаю, / не бывает ни малейших несчастий", SnE 21: *Annarr sonr Óðins er Baldr, ok er frá honom gótt at segia, hann er beztr ok hann lofa allir ... hann er vitrastr ásanna ok fegrst talaðr oc liknsamstr* "Второй сын Одина – Бальдр, и о нем можно сказать только доброе. Он лучше всех и его все прославляют ... он самый мудрый из асов, самый прекрасный и самый благостный".

Весьма существенно, что интерпретаторы скандинавского мифа о Бальдре акцентировали внимание на роли Одина как инициатора убийства Бальдра, несмотря на наличие "убийцы советом" (др.-исл. *ráðbani*) Локи и "убийцы рукой" (*handbani*) Хеда [5, с. 227], а также не его «соприкосновение с восточными мистериальными культурами "умирающего и воскресающего" бога растительности» [2, с. 160]. На основании данных древнегерманских языков и мифологии можно конкретизировать мифологему, в которой связь громовержца с опьяняющим напитком выражается в убийстве сына, возрождающегося в вегетативном образе [4, с. 258]. В древнегерманском мифе отсутствует звено 'опьяняющий напиток', однако его рефлексы поддаются реконструкции. Косвенные доказательства содержатся в кодировании дерева, изофункционального опьяняющему напитку как медиатору между различными космическими зонами (верхом и низом), лексемами восходящими, как и др.-исл. *Baldr*, к и.-е. **bhel-* 'набухать', ср. др.-исл. *bolr*,